

Владимир Леонидович Пянкевич
(Санкт-Петербургский Государственный Университет)

Представители центральной и местной власти в восприятии жителей блокадного Ленинграда (1941-1944 гг.)

Главная причина колоссальной смертности в блокадном Ленинграде – голод. Ведь именно отсутствие продовольствия и тепла привело к массовой гибели людей. Даже наступавшие войска не несли таких потерь, как городское население¹. Карточное нормы хлеба на пике осады не давали шанса на жизнь. Безусловно первопричина голода – блокада города немцами. Но был ли Ленинград готов к испытаниям? Насколько предусмотрительными и дальновидными оказались руководители города?

Положение в довоенном Ленинграде было относительно благополучным. Однако накануне войны и даже после ее начала городская власть не сумела предвидеть развитие ситуации, недостаточно оперативно и четко реагируя на стремительно ухудшавшиеся условия продовольственного снабжения города. Более того, в деле создания продовольственных запасов были допущены тяжелые просчеты, целый комплекс упущений. С опозданием, лишь на 27-й день войны, когда враг находился на подступах к Ленинграду, была введена карточная система снабжения населения. Тем самым был нанесен существенный урон экономике и накоплению продовольствия². Резкому ухудшению продовольственного положения в городе способствовали просчеты в принятии мер по сохранению и распределению продуктов питания: непродуманность отоваривания карточек, плохой учет, охрана имеющихся продуктов на складах, базах и магазинах, низкий уровень проведения уборочных работ по заготовке картофеля, капусты и овощей³.

Между тем, согласно официальной информации, ситуация в городе еще накануне войны и блокады была очень непростой. На 21 июня 1941 г. на

¹ *На защите невосковой твердыни. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны*, Leningrad 1965, s. 271.

² М.В. Ежов, *Роль Ленинградского городского совета депутатов трудящихся в обороне города*, [w] *Жизнь и быт блокированного Ленинграда: Сб. науч. ст.*, red. Б.П. Белозеров, Sankt Petersburg 2010, s. 36.

³ Б.П. Белозеров, *Они выстояли и победили*, [w] *Жизнь и быт блокированного Ленинграда*, s. 47.

ленинградских складах имелось муки на 52 дня, крупы – на 89, мяса – на 38, масла животного – на 47, масла растительного – на 29 дней⁴. Военно-политическая бюрократия хорошо знала, что в Ленинграде накануне войны не было достаточных запасов продовольствия, топлива и медикаментов на случай длительной обороны. Однако энергичных мер к созданию таких резервов не предпринималось и опыт советско-финской войны учтен не был. Дефицит продтоваров сохранялся до самой войны⁵.

Тревожной ситуация с продовольствием в городе продолжала оставаться и после начала войны. На 1 июля 1941 г. крайне напряженным было положение с запасами зерна: на складах «Заготзерна» и мелькомбинатов города имелось 25842 т муки, 10082 т крупы, 4350 т овса и ячменя. Кроме того, на мелькомбинатах им. Кирова и им. Ленина имелось 7307 т зерна. Эти запасы обеспечивали Ленинград мукой на 2 недели, овсом – на 3 недели, крупой на 2,5 месяца⁶.

При всей кризисности ситуации власти не приняли достаточных мер по охране продовольствия, установлению контроля над резервами. Никакого беспокойства по поводу положения с продуктами в Ленинграде не проявлялось, пока специальные представители Государственного комитета обороны не выяснили, что к 27 августа, к тому дню, когда практически была нарушена железнодорожная связь с Ленинградом, в наличии был в среднем месячный запас продуктов. За вполне благополучным фасадом уже назревала страшная перспектива⁷.

Катастрофическое продовольственное положение Ленинграда, о котором руководство города и страны догадывалось уже в конце августа, а точно узнало 12 сентября после переучета всех съестных запасов, было тайной для большинства горожан⁸. Правда многие ленинградцы, основываясь на своем жизненном опыте, интуитивно понимали масштаб опасности нависшей над городом.

В сознание и память ленинградцев, как и всех советских людей, врезалось 22 июня 1941 г. – первый день войны, который стал для многих горожан днем забот о самом насущном. «Город в смятении. Люди торопливо обмениваются словами, наполняют магазины, скупают все, что попадает под руку»⁹. Известная ленинградская актриса Мария Григорьевна Петрова, срочно возвратившаяся в этот день в город рассказывала: «Это был уже другой город.

⁴ Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны, ред. В.М. Ковальчук, Leningrad 1985, s. 92, 93.

⁵ В.А. Иванов, Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР), Sankt Petersburg 1997, s. 266, 267.

⁶ Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941-1944, ред. А.Р. Дзенискевич, Sankt Petersburg 1995, s. 209, 210.

⁷ Г.Солсбери, 900 дней. Блокада Ленинграда, Moskwa 1996, s. 214, 215, 302.

⁸ Н.Ю. Черепенина, Голод и смерть в блокированном городе, [w] Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект, ред. А.Р. Дзенискевич, Sankt Petersburg 2001, s. 46.

⁹ Е.А. Скрыбина, Страницы жизни, Moskwa 1994, s. 106.

Стояли очереди в магазины и сберкассы»¹⁰. По аналогичным воспоминаниям другой блокадницы, художника Риммы Ивановны Нератовой,

сразу после сообщения Молотова [...] вид нашей улицы совершенно преобразился. [...] Многие заспешили к продуктовым магазинам, перед которыми образовались очереди, жадно старались покупать все съедобное, все, что только можно было схватить и унести с собою домой, и возвращались обратно в те же очереди. Гастрономы осаждались толпами взволнованных жителей, очереди делались огромными¹¹.

Объявление о начале войны вызвало у людей обычную в таких случаях реакцию – ажиотаж и скупку продуктов. Стремительно растущий спрос на продовольствие, очереди, конечно, беспокоили власть, которая пыталась снизить накал страстей, сбить ажиотаж с помощью призывов к спокойствию, выдержке и отказу от создания запасов. Однако, несмотря на эти увещания, горожане пытались подготовиться к продовольственным трудностям. «Карточек еще не было. Хлеб и продукты брали сколько можно, а по радио все говорили – не запасайтесь. Наступил сентябрь» (М. А. Ступина)¹².

Власти города не только призывали ленинградцев не паниковать и не запасаться продовольствием, но и принимали меры по ограничению ажиотажного спроса на продукты питания. «Чтобы пресечь панику на пользовавшиеся наибольшим спросом масло, колбасу и другие продукты пришлось ввести норму отпуска в одни руки. Сливочного масла, например, по 100 граммов, колбасы, кажется, по 200»¹³. Кроме того, делать запасы могло быть опасно. Р. И. Нератова свидетельствует, что покупавшиеся кусочки масла они с сестрой «приносили домой, возвращаясь из института, в портфеле, чтоб дворник не заподозрил нас в делании запасов и не донес бы на нас»¹⁴. По свидетельству главного механика Металлического завода им. Сталина Георгия Андреевича Кулагина, в августе 1941 г. «военные трибуналы вынесли приговоры нескольким распространителям вражеских слухов и листовок, а также спекулянтам, скупавшим муку, крупу и сахар»¹⁵.

Несмотря ни на какие призывы и ограничения, горожане стремились приобрести, любые продукты, истратив все деньги. «Тысячи ленинградцев запасали столько продуктов, сколько удавалось купить»¹⁶. «Мы всегда теперь,

¹⁰ Л.С. Мархасев, *След в эфире*, Sankt Petersburg 2004, s. 30.

¹¹ Р.И. Нератова, *В дни войны: Семейная хроника*, Sankt Petersburg 1996, s. 9.

¹² Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), zesp. 520, inw. 1, sygn. 247, k. 5.

¹³ Л.Л. Ильина, *Начало распада Советской империи 1941-1953 годы*, Sankt Petersburg 2006, s. 10.

¹⁴ Р.И. Нератова, *В дни войны: Семейная хроника...*, s. 43.

¹⁵ Г.А. Кулагин, *Дневник и память. О пережитом в годы блокады...*, s. 34.

¹⁶ Г.Солсбери, *900 дней. Блокада Ленинграда...*, s. 301.

выходя из дома, имели при себе деньги, и куда бы мы ни шли, если мы видели, что продается что-то съестное, должны были становиться в очередь»¹⁷.

Накопленные горожанами накануне и в первые два месяца блокады продукты чаще всего не были рассчитаны на столь длительный голодный период. Надо полагать, однако, что создание запасов не было бессмысленным занятием, их наличие, несомненно, увеличивало шансы на выживание. Опираясь на свой жизненный опыт, горожане понимали, что они могут и должны рассчитывать прежде всего на себя. Ведь голод хорошо знакомый России, не был редким явлением и в истории города. Ленинградцы, как и большинство советских людей, ради выживания должны были заниматься самоснабжением, становившимся важнейшим условием спасения от голодной смерти.

Впрочем, не все создавали запасы, в том числе потому, что для этого нужно было иметь время, деньги, жизненный опыт, предчувствие и осознание тяжести грядущих испытаний. Не делали запасы также потому, что в условиях стремительно возросших цен, в том числе в государственной коммерческой торговле, люди хотели сохранить деньги или, напротив, потому что последних не хватало. Полные прилавки государственных коммерческих магазинов порождали у ленинградцев несбыточные упования на отсутствие проблем со снабжением в будущем. Кроме того, часть ленинградцев опасалась заготавливать впрок, так как полагала, что после призывов власти сохранять спокойствие и не делать запасов последуют репрессии по отношению к тем, кто слушается. Власть негативно относилась к заготовкам, грозя наказанием за подобного рода предприимчивость. Впрочем, реального пресечения попыток народного самоснабжения, видимо, не было. Кроме того, упразднить хозяйственную инициативу людей, обеспечивавшую выживание и приобретающую массовый и одновременно в каждом отдельном случае незначительный характер, было практически невозможно.

Когда угроза голодной смерти превратилась в реальность, ответственность за неподготовленность к голоду горожане стали возлагать на себя, свою непрактичность, нерасторопность, беспечность. В то же время ленинградцы винули в том, что они остались в городе, лишенном продовольствия, власть. Пропагандистские призывы начала войны при всей очевидной необходимости для того времени победного пафоса и мажорной тональности, не были вполне адекватны серьезности сложившейся в стране и в городе ситуации.

Сегодня можно абсолютно уверенно говорить, что голодная смерть по крайней мере многих десятков тысяч ленинградцев лежит на совести тех продажных журналистов, писателей, поэтов, кто, продаваясь за лишнюю пайку хлеба, на все лады в газетах, на радио, в кино, на плакатах бессовестно

¹⁷ Р.И. Нератова, *В дни войны: Семейная хроника...*, с. 42, 43.

лгал, держа ленинградцев в полном неведении об истинном положении дел. Вся пропаганда твердила о “скором повороте”, о “празднике на нашей улице”. Мы верили и ждали этого праздника¹⁸.

«В августе-сентябре с продовольствием в Ленинграде было еще неплохо, – вспоминает Л.В. Васильева. – ...Все кругом говорили, что продуктов в городе хватит на десять лет. В это верили, как и в то, что (как об этом твердили газеты и радио перед войной) мы врага разобьем на его территории. Но события развивались совсем не так, вызывая недоумение и множество вопросов»¹⁹. Даже после начала блокады центральная и городская власть утаивали информацию об угрожающем, а, по сути, катастрофическом положении в городе, пытались скрыть приближение голода. Вопреки очевидным фактам, ленинградское руководство в октябре вело решительную борьбу с разговорами о надвигающемся голоде, и лишь когда голод стал очевидным для всех ленинградцев, это прекратилось²⁰. Запоздалые сожаления по поводу собственной беспечности сочетались с внутренними упреками в адрес тех, кто был более предусмотрителен несмотря на призывы властей: «Выходит, что те, кто нарушал советские законы, скупал товары и делал запасы, – выиграли, теперь не голодают, а те, кто, выполняя законы, запасов не делали, – проиграли, голодают. Эх! Так было, так будет», – констатирует 25 октября 1941 г. учитель Александр Александрович Бардовский²¹.

В голодную осень и смертельную зиму ленинградцы вошли без необходимых запасов продовольствия, что предопределило трагические последствия осады. Дальновидность, рациональность, запасливость, благоразумие не преобладали в организационно-управленческих решениях и действиях властей города накануне войны и блокады. Как и городская власть, большинство обычных ленинградцев спохватились и начали готовиться к беде тогда, когда она стояла на пороге их дома.

Почему городская власть и обычные горожане были порой столь катастрофически беспечны? Причина – неверное мнение о том, что война будет недолгой и победоносной, а также пропагандистское и неадекватное реальности представление о мифическом пролетарском интернационализме и «культурности» немцев. Все это приводило к принятию неверных управленческих решений, проявилось, в частности, в недостаточной подготовке к дефициту продовольствия, в нелепой «эвакуации» детей в июне-июле 1941 г. из города в Ленинградскую область, навстречу наступающему врагу. Последствием этой «эвакуации» стало недоверие к власти и нежелание

¹⁸ Б.М. Михайлов, *На дне блокады и войны*, Sankt Petersburg 2001, s. 37.

¹⁹ *Боль памяти блокадной. Сб. воспоминаний жителей и защитников блокадного Ленинграда*, оргас. Л.Л. Петрова, Moskwa 2000, s. 101.

²⁰ А.В. Кутузов, *Информационно-психологические войны в годы блокады*, [w] *Величие непокоренного Ленинграда в годы Великой Отечественной войны...*, s. 171.

²¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), zesp. 4000, inw. 11, sygn. 7, k. 51.

женщин эвакуироваться вместе с детьми тогда, когда это еще можно и необходимо было сделать. В результате в городе остались те, кто не должен был в нем оставаться, кому неминуемо грозила гибель: почти 50% населения блокированного Ленинграда составляли дети до 12 лет и иждивенцы²².

Ленинградцам катастрофически не хватало информации. В экстремальных условиях начавшейся войны власть была склонна к умолчанию и секретности. В сводках Советского информационного бюро, которые были лаконичны и бессодержательны, отсутствовали сведения о ситуации в Ленинграде и на подступах к нему. Между тем горожане остро нуждались в адекватной информации, прежде всего для того чтобы принимать собственные решения. В частности – эвакуироваться из города или оставаться на месте. Компенсировало этот вакуум неформальное коммуникативное пространство – разговоры, слухи. В них в свою очередь выразалось общественное мнение, в том числе о власти.

Ленинградцы надеялись на поддержку руководства города. Однако общение горожан с властью имущими, особенно поначалу, часто не внушало уверенности: напротив, неподготовленность и некомпетентность партийных и советских руководителей вызывали недовольство. Исполняющая обязанности директора Ленинградского института истории ВКП(б) Елизавета Александровна Соколова 18 августа 1941 г. записала свидетельство коллеги:

Выборгский районный комитет ВКП(б) собирал сегодня в 7 утра коммунистов на совещание. Секретарь РК тов. Кедров говорил о военной обстановке в очень унылом тоне, привел всех в недоумение и навел тоску. ... Кедров говорил, что на фабриках и заводах надо создавать рабочие отряды, но оружия не обещают. "Может, раздадим охотничьи ружья," – сказал он. И.И. негодует, что секретарь не представляет себе военного дела. [...] Да, вот теперь враг стоит у дверей Ленинграда, а коммунисты не знают, что им делать. Никто не имеет оружия, и даже охотничьи ружья – и те изъяты²³.

Крайне тревожное морально-психологическое состояние большинства ленинградцев накануне блокады по мере приближения врага к Ленинграду усугублялось снижением уровня доверия к властям. «Настроение тяжелое – мало кто верит в победу, – отмечает в дневнике 31 августа 1941 г. А. А. Бардовский. – Сегодня одна ученица вспоминала слова Ворошилова: "будем вести войну на чужой территории"... Не верят власти – это самое трагическое»²⁴.

Неготовность и нежелание власти прямо сказать об угрожающей ситуации было важной причиной недоверия, а затем нарастающего критицизма по отношению к руководству города. Экономист городской

²² Н.Ю. Черепенина, dz.cyt., s. 45.

²³ ЦГАИПД СПб, zesp. 4000, inw. 11, sygn. 109, k. 6,7.

²⁴ Tamże, sygn. 7, k. 25v.

электростанции Ирина Дмитриевна Зеленская, характеризуя морально-психологическую атмосферу в городе, отмечала нарастающее между людьми и властью разобщение:

Но еще страшнее то внутреннее крушение, признаки которого все чаще замечаешь. Вспышка антисемитизма [...]. Темные разговоры, косые взгляды на партийцев, глухое недоверие и вражда - все это может дать ужасающий взрыв в критическую минуту. Мы по-прежнему разрознены и безоружны, несмотря на все пылкие призывы к населению. [...] И самый жестокий признак разобщенности между властями и массой я вижу в том, что до такой степени не доверяют народу, не рискуют сказать открыто хоть часть правды [1 сентября 1941 г.]²⁵.

Начало артиллерийских обстрелов и воздушных атак врага на город усилило уныние. «Нам все время говорили, что Ленинград недоступен, что налетов не будет. Вот и недоступен! Противовоздушная оборона оказалась мыльным пузырем. Гарантия безопасности – пустая фраза», - записала 12 сентября 1941 г. Елена Александровна Скрыбина²⁶. Растерянность и, уныние испытывала в те же дни поэт Ольга Федоровна Берггольц:

Без четверти девять, скоро прилетят немцы. О, как ужасно, боже мой, как ужасно. Я не могу даже на четвертый день бомбардировок отделаться от сосущего, физического чувства страха. Сердце как резиновое, его тянет книзу, ноги дрожат, и руки леденеют. [...] Позор в общем и в частности. На рабочих окраинах некуда прятаться от бомб, некуда. Это называлось – “Мы готовы к войне”. О, сволочи, авантюристы, безжалостные сволочи! (12 сентября 1941 г.)²⁷

Новая запись на следующий день:

О, как грустно, как пронзительно грустно. [...] Собственно, меня не немцы угнетают, а наша собственная растерянность, неорганизованность, наша родная срамота... Вот что убивает!²⁸

Стремительное продвижение врага по советской земле, а затем и окружение города способствовали появлению слухов, разговоров, которые «доказательно» свидетельствовали о предательстве военного командования, конфликтах в руководстве страны. Это не было ни случайным, ни новым явлением. Такая молва о предательстве на фронте среди военных, измене в тылу имела место в годы Первой мировой, распространялись в городе во время советско-финской войны. Представления многих ленинградцев о

²⁵ Там же, sygn. 36, k. 16

²⁶ Е. А. Скрыбина, dz.cyt., s. 121.

²⁷ *Ольга. Запретный дневник*, Sankt Petersburg 2010, s. 59.

²⁸ Там же, s. 60, 61.

масштабном предательстве были связаны не только с ошеломляющим отступлением Красной армии. Этому способствовала также усиленно насаждавшаяся в предвоенные годы атмосфера поиска врагов. В городском сообществе стали возникать легенды о разногласиях, конфликтах в высшем руководстве страны, даже о перестрелке между вождем и командующим фронтом. Подобного рода слухи отражали состояние смуты, неверия, страха, недоумения.

Безрадостные настроения усугублялись тревожными представлениями о том, что ленинградцы останутся один на один с врагом и тяготами войны. Даже среди сотрудников Ленинградского городского совета в связи с отъездом из Ленинграда некоторых руководителей, наблюдались «панически-нездоровые высказывания». Так, например, консультант О.Ф. Савоненкова по поводу этого отъезда сказала: «Я имею больше оснований уехать из Ленинграда, у меня есть дети, однако меня не пустили, накричали на меня. Вот и получится так, что в последний момент все руководство вылетит из Ленинграда, а мы все здесь останемся». Подавальщица особого буфета А.А. Журавлева в разговоре с сотрудниками Ленгорсовета, плача, сказала: «Вот хозяева сами уезжают, а нас оставляют для расправы»²⁹. Историк-архивист Георгий Алексеевич Князев несколько раз на страницах своего дневника обращается к теме эвакуации руководителей академических учреждений города, которые оставляли своих сотрудников «на произвол судьбы»³⁰.

Одна из важных морально-нравственных проблем, которая обсуждается в публицистике и сохраняет актуальность в обыденном историческом сознании – тема особого продовольственного снабжения власти. Существует немало свидетельств разной степени достоверности о хорошем и даже великолепном питании ленинградских руководителей во время смертельного голода в осажденном городе. Ребенком пережившая ленинградскую блокаду, Нина Сергеевна Иванова вспоминает о том, что произошло в бане, открывшейся в конце губительной зимы 1941-1942 гг.

Разделись и вошли в огромное, холодное помещение, наполненное густым туманом. В белом тумане медленно передвигались или сидели на скамьях коричневые “скелеты”. Мы с мамой были такие же, как они. Все были похожи друг на друга, мужчины и женщины. [...] Вдруг в этот зал вошла женщина, с розовым телом с грудями и бедрами. На нее как будто упал свет. Все, разом, увидели ее, и движение остановилось. Все смолкло. И в этой тишине, совершенно неожиданно для себя, я воскликнула: “- Мама! Мама! Смотри, жена А.....!” Это была фамилия человека, который подписывал указы о повышении норм хлеба). Мама зажала мне рот ладонями³¹.

²⁹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), зesp. 7384, inw. 3, sygn. 5, к. 46.

³⁰ Г. А. Князев, *Дни великих испытаний. Дневники 1941-1945*, Sankt Petersburg 2009, s. 356.

³¹ Н.С. Иванова, *Верные адреса*, Sankt Petersburg 2010, s. 95.

Этот возглас ребенка, очевидно, отражал распространенное в общественном мнении, в том числе даже в детском сознании, представление о том, что руководители, их родственники и те, кто был близок к распределению продовольствия не голодают как все. Противостоять негативным разговорам и слухам о власти можно было только максимальной открытостью информации и действий, конечно, с учетом соображений государственной безопасности в чрезвычайных условиях войны. Однако подобной информационной открытости от властей ожидать не приходилось.

В своих дневниковых записях блокадники часто обращались к теме социального неравенства, особенно драматично воспринимавшегося в страшных блокадных условиях. Так, например, И. Д. Зеленская оставила такие записи:

Кто-то едко пошутил, что скоро Ленинград весь вымрет, останутся одни директора. Этих все-таки кормят (11 января 1942 г.)³²

[...] много глухого раздражения вызывает привилегированное положение группы руководителей по сравнению с бытовыми условиями рядовых работников, особенно их питание. [...] Большого неравенства, чем сейчас, нарочно не придумаешь, оно ярко написано на лицах. Нельзя не задумываться над этим, когда рядом видишь жуткую коричневую маску дистрофика-служащего, питающегося на убогой второй категории и рядом цветущее лицо какой-нибудь начальственной личности или “девушки из столовой” (9 октября 1942 г.)³³.

Каковы были последствия роста социальных противоречий в осажденном Ленинграде? Осенью 1941 г., когда стал нарастать голод и холод, в городе возникли оппозиционные настроения. По данным Управления НКВД, в конце октября 1941 г. начали распространяться слухи о якобы готовящемся в городе военном перевороте. Подобные настроения были отмечены у ленинградских рабочих, среди которых были зафиксированы «резкие антикоммунистические высказывания»³⁴. Однако такие стихийные обсуждения не сопровождались открытым недовольством и волнениями. «В ноябре-декабре давали 150 граммов черной массы с дурандой, целлюлозой и пр., – констатирует драматург Всеволод Вишневский. – Ни единого протеста... Поговорят женщины, посудачат, поохают – и все»³⁵. Аркадий Лепкович отмечает, что, несмотря на голод и ужасающую смертность «народ терпит, ни от кого я не слышал жалоб и недовольства на порядок или на власть» (12

³² ЦГАИПД СПб, zesp. 4000, inw. 11, sygn. 36, k. 51.

³³ Там же, k. 102.

³⁴ Н.А. Ломагин, *Неизвестная блокада*, Sankt Petersburg - Moskwa 2002, ks. 1, s. 262, 263.

³⁵ В.В. Вишневский, *Ленинград: Дневники военных лет: В 2-х книгах. Кн. первая*, Moskwa 2002, s. 92.

декабря 1941 г.)³⁶. «... масса превратилась в первобытное состояние и даже почти не борется, а безропотно погибает. Любопытно, что совершенно не слышно протестов, никто не ищет виновников этой пропасти. Минутами даже чудится, что эти погибающие люди принимают гибель свою как нечто неизбежное[...]» (12 января 1942 г., И.Д. Зеленская)³⁷.

За все время войны и осады не было случая, чтоб в городе произошел хоть бы один крупный или мелкий скандал, называемый в газетах “беспорядками”, – записывает тогда же, в январе 1942 г. заведующий сектором печати Ленинградского горкома ВКП(б) Александр Павлович Гришкевич. – Не было разгромов магазинов, не было нхтыя. Была надежда на увеличение пайка, на общее улучшение жизни, надежда и уверенность в скорой победе³⁸.

Партийный работник отчасти ошибался: в действительности, в городе было немало случаев нападений на магазины и транспорт с хлебом именно в январе 1942 г., далеко не редким было уныние, неверие в избавление от мук и готовность к смерти. Однако открытых политических протестов в городе действительно не было.

Антисоветские и антисемитские настроения, проявлявшиеся в разговорах в очередях, заметила немецкая разведка. В сообщении командованию 18 армии от 17 ноября 1941 г. отмечалось: «В целом существенных изменений в настроении не произошло. Противниками сопротивления по-прежнему являются прежде всего женщины. Длинные очереди за продуктами являются очагом всевозможных слухов. Недовольство советской властью проявляется здесь открыто. Особое раздражение вызывает то, что евреи и руководящие партийные чиновники, по-видимому, в неограниченном размере обеспечены продовольствием»³⁹. Согласно другому немецкому сообщению о настроениях в очередях, «громкая ругань в адрес советских правителей является здесь обычным делом, хотя при этом, как правило, все обходится без вмешательства со стороны милиции» (24 ноября 1941 г.)⁴⁰.

Очевидно, каких-либо реальных антисоветских протестных акций не могло быть. Прежде всего, большинству ленинградцев в силу патриотических установок казалось невозможным выражать протест тогда, когда враг был так близко. Отсутствие активных оппозиционных действий объясняется также угрозой неизбежных репрессий со стороны власти и нехваткой сил у блокадников. «Мы так выголодались, – записывает в дневнике 4 января 1942 г. театральная деятельница Любовь Васильевна Шапорина, – что о ропоте,

³⁶ ЦГАИПД СПб, зesp. 4000, inw. 11, sygn. 58, k. 6.

³⁷ Там же, sygn. 36, k. 52v.

³⁸ Там же, sygn. 28, k. 8v.

³⁹ Н.А. Ломагин, *Неизвестная блокада*, Sankt Petersburg - Moskwa 2002, ks. 2, s. 620.

⁴⁰ Там же, s. 639.

возмущении, поисках виновных в том, что не было запасов, что не направляют крупных сил на освобождение города или не сдают его, не может быть и речи»⁴¹.

Отсутствие открытых оппозиционных выступлений не означало, что в блокадном городе не было недовольства властью. Наиболее четко выраженным было отрицательно отношение блокадников к председателю Исполкома Ленинградского городского совета Петру Сергеевичу Попкову. Этот человек олицетворял городскую власть, одновременно персонифицируя просчеты и ошибки, которые привели, по мнению многих ленинградцев, к жутким страданиям людей. Недовольство было связано и с тем, что в течение длительного времени никто из руководителей города не считал нужным вести диалог с населением. У блокадников складывалось впечатление, что власти не до них. Писатель Израиль Метгер вспоминает:

Никто из Смольного не воспользовался микрофоном Радиокomiteта, чтобы хоть как-то поговорить с людьми. На моей памяти всего один раз за первые полгода блокады Юра Макогоненко, сочинив речь Попкова, поехал к нему в Смольный, утвердил текст, и это было передано диктором гибнущему населению города⁴².

Информационная сводка горкома ВКП(б) от 14 января 1942 г. о настроении населения в связи с сообщением П.С. Попкова о продовольственном положении Ленинграда свидетельствует о противоречивости мнений блокадников. В сводке отмечалось, что сообщение главы городской администрации вызвало подъем и оживление среди населения города. Ленинградцы расценили заявление Попкова как признак того, что блокада Ленинграда будет прорвана в ближайшее время и продовольственные затруднения будут скоро устранены⁴³. Аналогичные оптимистические суждения о выступлении руководителя города к ленинградцам содержатся и в дневниках блокадников. Таким образом, сообщение П.С. Попкова вызвало вполне очевидную реакцию изможденных и умирающих от голода людей: очень скоро будет легче, блокаду прорвут, и появится, наконец, еда.

Но имелись в дневниках горожан и иные оценки. «Сегодня по радио передавали беседу с Попковым о продовольственном положении Ленинграда, – записала 13 января 1942 г. в дневнике школьница Майя Бубнова. – Даже надоело. В сущности, ничего нового и существенного не сказано»⁴⁴. «Люди цепляются за любую надежду. Правда, руководство злоупотребляет

⁴¹ Л.В. Шапорина, *Дневник*, Moskwa 2011, t. 1, s. 298, 299.

⁴² И. Метгер, *Мотив брата моего*, [w] *Голоса из блокады. Ленинградские писатели в осажденном городе (1941-1944)*, ограс. З. Дичаров, Sankt Petersburg 1996, s. 77.

⁴³ *Ленинград в осаде...*, s. 470,

⁴⁴ ЦГАИПД СПб, zesp. 4000, inw. 11, sygn. 16, k. 12.

обещаниями» (14 января, И.Д. Зеленская)⁴⁵. Главной причиной растущего недовольства горожан было то, что обещанного руководителем советской администрации Ленинграда улучшения положения никак не происходило. В вышеупомянутой информационной сводке ГК ВКП(б) отмечалось, что после того, как заведующий магазином заявил, что продуктов еще не привезли, одна гражданка сказала: «Скоро нас эвакуируют на Волково кладбище». Другая в тон ей добавила: «Хорошо Попкову речи говорить, сам наелся, а нас обещаниями кормит»⁴⁶. Ситуация со снабжением продовольствием улучшалась малозаметно для обычных горожан, о чем они с тревогой и глубоким сожалением писали в своих дневниках. «По газетным интервьюировкам видных “руководов” местной жизни и уклада (например в интервью предисполкома) говорится, что самое трудное уже осталось позади, а жизнь делается все хуже и хуже» (16 января 1942 г., Иван Иванович Жилинский)⁴⁷. «Хочется надеяться, что в дальнейшем будет все улучшаться, как об этом заявил и “МЭР” города тов. Попков. Однако обстановка в Ленинграде пока что сулит худшее» (25 января, заместитель директора завода Александр Тихонович Кедров)⁴⁸. В конце января 1942 г. недовольство становилось все более и более адресным и сводилось к обвинению правительства и руководства Ленинграда в том, что они (а не немцы!) обрекли население города на голодную смерть. Такие настроения захватили представителей практически всех слоев общества: интеллигенцию, рабочих, домохозяйек, пенсионеров и даже группу руководящих работников завода «Большевик». Практически все циркулировавшие в то время слухи носили критический по отношению к местной власти характер⁴⁹.

Ленинградцы привычно (и не без оснований) связывали перспективу улучшения положения с заступничеством верховной власти. «Утром слухи об аресте Попкова, а к вечеру о замене его Л.М. Кагановичем! Все это, конечно, лишь выражение пожеланий населения, а не реальные факты», – записал 10 февраля 1942 г. декан Библиотечного института Лев Рудольфович Коган⁵⁰. «По городу упорные слухи: Попков будто бы снят с работы и арестован. Если это верно, то и поделом ему» (10 февраля 1942 г.)⁵¹. «Распространился слух, что в Ленинград приехали наводить порядок Микоян и Каганович, что Попков смещен и отдан под суд» (11 февраля 1942 г.)⁵². Художник Иван Алексеевич Владимиров записал в дневнике:

⁴⁵ Tamże, sygn. 36, k. 53.

⁴⁶ *Ленинград в осаде...*, s. 472.

⁴⁷ И.И. Жилинский, *Блокадный дневник (публикация Г.В. Андреевского)*, „Вопросы истории” 1996, № 8, s. 3.

⁴⁸ ЦГАИПД СПб, зesp. 4000, inw. 11, sygn. 44, k. 57v.

⁴⁹ Н.А. Ломагин, *Неизвестная блокада*, Sankt Petersburg - Moskwa 2002, ks. 1, s. 304.

⁵⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), зesp. 1035, sygn. 1, k. 8.

⁵¹ *Дневник Миши Тихомирова. Ленинград 1941-1942 гг.*, Sankt Petersburg 2010, s. 37.

⁵² Г. А. Князев, dz.cyt., s. 478.

Радостные факты и слухи гражданами связываются с приездом в Ленинград “особой комиссии из Москвы” [...] которая будто бы прислана для “обследования” деятельности, верней, бездеятельности наших городских и торговых властей с тов. Попковым во главе, доведших город до полного развала, а его обитателей до чудовищных размеров смертности от голода и холода. По городу упорно говорят, что председатель Ленсовета Попков уже “снят”, и он вместе со многими деятелями находится под следствием⁵³.

Слухи о приезде комиссии из Москвы, которая разбирается и наказывает местного руководителя, выполняли важную социальную функцию, представляя собой форму челобитной и одновременно наивной попытку наладить диалог со справедливой верховной властью

Образованные, самостоятельно мыслявшие ленинградцы критично относились к слухам о П.С. Попкове, по-своему интерпретируя молву о руководителе города. 14 февраля 1942 г. архитектор Эсфирь Густавовна Левина крайне негативно характеризовала слухи «вроде того, что “Сталин ничего не знал, Попков скрывает от него, теперь Сталин все узнал от иностранных корреспондентов, Попков расстрелян, с ним еще 27 человек, а сюда приехал Каганович наводить порядок”»⁵⁴.

Слухи о том, что Попков и с ним до 50 человек арестованы приехавшими в Ленинград членами правительства, не оправдались. Теперь говорят, что Попков сумел перехитрить Кагановича и Микояна, приехавших по поручению Сталина обследовать положение Ленинграда и причины необычайно высокой смертности его жителей. Попков, дескать, указал, что ленинградцы больше всего погибают от обстрелов. Есть наивные люди, которые не только передают эти сведения, но и искренне в них верят (21 февраля 1942 г., Г.А. Князев)⁵⁵.

Следует отметить, что такая позиция ленинградцев – надежда на верховную власть – была не только традиционна, наивна, но и рациональна. Ленинградские руководители мало опасались недовольства блокадников. Наказание, как и награда, могло последовать только сверху. Люди понимали, что никакой реальной необходимости отдавать им отчет в своих действиях у местных руководителей нет. Поэтому ленинградцы полагали, что привлечь руководство города к ответственности за сложившуюся гибельную ситуацию может только верховная власть.

Очевидно также, что большинство ленинградцев неодинаково оценивали разные уровни власти. Если центральная власть чаще идеализировалась, виделась заботливой и справедливой, то местные

⁵³ И. А. Владимиров, «Памятка о Великой Отечественной войне». Блокадные Заметки 1941-1944 гг., опр.с. і wstęp Н. И. Баторевич, Sankt Petersburg 2009, s. 122, 123.

⁵⁴ ЦГАИПД СПб, zesp. 4000, inw. 11, sygn. 57, k. 9.

⁵⁵ Г. А. Князев, dz.cyt., s. 498.

руководители в сознании горожан обладали противоположными качествами. Ответственность за неэффективность управления, проблемы в снабжении, неразбериху возлагалась именно на местную на власть. Очевидно, что высказывать критические замечания о вожде и его окружении было значительно более опасно, нежели критиковать «свою» власть. Более того, такой критицизм центральной властью прямо или косвенно поощрялся.

Блокадники нечасто обращались за помощью к властям, думая, что это бесполезно. Люди полагали: руководители и без того делают все возможное, власти не в состоянии заботиться о каждом. Отдельные горожане просили помощи, когда положение, например, детей в семье становилось отчаянным. Так, блокадница Петрова направила в декабре 1941 г. в Президиум Ленинградского городского совета письмо, в котором была мольба о помощи: «Прошу Вас спасти моих детей от голодной смерти, так как один из них погиб, трое же в пути к этому. Помогите моим несчастным детям и не оставьте материнскую просьбу без внимания. Спасите детей, дайте хлеба»⁵⁶. Надо отметить огромную роль власти в спасении детей, оставшихся в живых после гибели их родных. Когда погибали родители, заботу о детях брала на себя городская власть. На пике блокадных тягот, губельного голода в Ленинграде создавались детские приемники, детские дома, сады, ясли, эвакуировались из блокадного города десятки тысяч детей, что помогло спасти их.

С января 1942 г. городская власть принимала немало мер для «помощи особо ослабевшим гражданам»: создавались стационары для дистрофиков, увеличивалось число коек в них, устраивались столовые усиленного питания, организовывалась «общественная самодеятельность» для помощи людям. Впрочем, сколько бы власть ни старалась, ее усилия могли облегчить страдания далеко не всех. Видимо, поэтому ленинградцы понимали, что не стоит полагаться на помощь извне. Бессилие руководства города порой было связано не только и не столько с неорганизованностью, бесчестностью или некомпетентностью, сколько с огромным количеством людей, оставшихся в городе, и невозможностью справиться с проблемами гигантских масштабов.

Часто люди ощущали себя брошенными на произвол судьбы, никому не нужными. Как свидетельствуют многие горожане, в тяжелейшую блокадную пору они могли и должны были рассчитывать только на себя. 13 декабря 1941 г. искусствовед Николай Николаевич Пунин записал в дневнике:

Мне давно хотелось написать *De profundis* – сегодня ночью, голодный, я думал об этой теме. Господи, спаси нас... Мы погибаем. Но Его величие так же неумолимо, как непреклонна советская власть. Ей, имеющей 150 миллионов, не так важно потерять 3 миллиона. Брошенные и голодные, мы живем в этом ледяном и голодном городе⁵⁷.

⁵⁶ ЦГА СПб, zesp. 7082, inw. 2, sygn. 149, k. 19, 19v.

⁵⁷ Н.Н. Пунин, *Мир светел любовью. Дневники. Письма*, Moskwa 2000, s. 352, 353.

Дневниковые записи свидетельствуют: блокадники чувствовали глубокое одиночество, растерянность, страх, понимание, что никто не стремится и не может им помочь. «Мне больно – и страшно. У меня нет сил. Никто мне помочь не может (или не хочет). Я – одна. Одна, как всегда», – записала 26 апреля 1942 г. Софья Казимировна Островская⁵⁸. «Когда люди начали умирать тысячами ежедневно, то стало непонятно: почему же никто нас не спасает» (Л.В. Васильева)⁵⁹. Кошмарным январем 1942 г. И.Д. Зеленская записывает в дневнике: «И никому нет до них дела. Жестокость и разобщенность чудовищные. Все слабые брошены своей судьбе и умирают, умирают тысячами»⁶⁰. «Я никогда и ни в чем не чувствовала ни с чьей стороны поддержки. Помощи ниоткуда не ждала. Про доверие властям я и не думала, но патриотизм в те времена был высокий, люди верили в победу», – свидетельствует Надежда Владимировна Куприянова⁶¹. В то же время массовая смертность кошмарной зимой 1941-1942 гг. не породила среди жителей блокированного города отчаяния и паники.

Уже в начале блокады ленинградцы, особенно в связи со стремительно ухудшавшейся ситуацией в осажденном городе, стали задаваться вопросом об ответственности власти за сложившееся положение. Обычные горожане не могли понять, почему несмотря на предвоенную победную риторику Красная армия терпит поражения, а Ленинград подвергается бомбардировкам и артиллерийским обстрелам? Почему после властного запрета создавать продуктовые запасы и обещания достаточного снабжения ленинградцам не просто приходилось страдать от нехватки пищи, но умирать от голода? Впрочем, очень редко горожане ставили вопрос о несостоятельности системы власти. Чаще всего люди видели причину своих страданий в просчетах, неорганизованности, неверных управленческих решениях, в действиях работников торговли, снабжения, обогащавшихся на голоде.

⁵⁸ ОР РНБ, zesp. 1448, sygn. 15, k. 58.

⁵⁹ *Боль памяти блокадной...*, s. 104.

⁶⁰ ЦГАИПД СПб, zesp. 4000, inw. 11, sygn. 36, k. 49.

⁶¹ Z prywatnego archiwum A.A. Dragunkinej.

Streszczenie

Władimir Leonidowicz Piankiewicz

Przedstawiciele władz centralnych i lokalnych w percepcji mieszkańców oblężonego Leningradu (1941-1944 gg.)

Autor zwraca uwagę, że już na początku blokady Leningradu, zwłaszcza w związku z gwałtownie pogarszającą się sytuacją w oblężonym mieście, ludzie zaczęli rozważać odpowiedzialność władz za tę sytuację. Zwykli obywatele nie mogli zrozumieć, dlaczego, pomimo zwycięskiej przedwojennej retoryki, Armia Czerwona jest pokonana a Leningrad bombardowany i ostrzeliwany? Dlaczego po zakazaniu przez władze gromadzenia zapasów i obietnicy dobrego zaopatrzenia mieszkańcy Leningradu muszą cierpieć z powodu braku żywności, a nawet umierać z głodu? Jednakże, bardzo rzadko mieszkańcy poruszali kwestię błędów systemu władzy. Autor artykułu twierdzi, że ludzie najczęściej widzieli przyczynę ich cierpienia w błędnych obliczeniach, dezorganizacji, błędnych decyzjach dotyczących zarządzania, w opieszalnych działaniach pracowników handlu, logistyki, które nasilały problem głodu.

Summary

Vladimir Leonidovich Piankievich

Representatives of central and local authorities in the perception of inhabitants of blockade Leningrad (1941-1944)

The author notes that in the beginning of the blockade of Leningrad, especially in connection with the rapidly deteriorating situation in the blockade city, peoples began to ask about the authorities' responsibility for this situation. Ordinary citizens could not understand why, despite the pre-war winning rhetoric, the Red Army is defeated, and Leningrad subjected to bombing and shelling? Why after authoritative prohibition create an adequate supply of Leningrad promises not only had to suffer from a lack of food, but to die of hunger? However, very rarely townspeople raised the question of authorities system failure. Author of the article notes that the people often saw the cause of their suffering in miscalculations, disorganization, incorrect management decisions in the actions of trade and supply workers, which only exacerbates the problem of hunger.